

ТЕКСТ-МЕНТАТИВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВЕКОВ

Глембоцкая Яна Олеговна,

кандидат филологических наук, доцент,

профессор по учебной работе

Новосибирского государственного театрального института,

630099, г. Новосибирск, ул. Революции, 6

ORCID: 0000-0001-8190-2038

glembo2212@yandex.ru

Кузнецов Илья Владимирович,

доктор филологических наук, доцент,

профессор кафедры истории театра, литературы и музыки

Новосибирского государственного театрального института,

630099, г. Новосибирск, ул. Революции, 6

ORCID: 0000-0001-9629-4012

eliah2001@mail.ru

Аннотация

Предметом статьи является текст-ментатив и его функционирование в русской литературе XX–XXI веков. Понятие «ментатив», появившееся в лингвистике с начала XXI века по аналогии с «нарративом», обозначает текст с ментальной референцией, диалогически отзывающийся на чужое слово, чужую мысль. В лингвистике типологизированы коммуникативные стратегии ментатива по отношению к чужой речи. Этих стратегий восемь, они равноправны логически, но неравноценны в диалогическом и, следовательно, эвристическом отношениях. В русской художественной литературе текст-ментатив утверждается с середины XIX века. Это обусловлено началом этапа сближения художественного и нехудожественного слова в развитии русской словесности. Явным знаком утверждения ментатива в художественной прозе стал роман Л. Толстого «Война и мир», содержащий множественные ментативные фрагменты и целые главы. Этап сближения художественного и нехудожественного слова продолжался до конца XX столетия, и все это время удельный вес и значимость ментатива в русской художественной прозе неизменно возрастали.

В статье показано функционирование ментатива в идейно и художественно важнейших произведениях русской литературы середины – конца XX века. Это романы «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Пушкинский дом» А. Битова, «Generation “П”» В. Пелевина, «Ложится мгла на старые ступени» А. Чудакова, тексты А. Солженицына, В. Распутина, В. Мака-

нина. Во всех этих произведениях ментатив позволяет сформулировать ключевые для самосознания русской литературы XX века мысли о нравственности, о правде, о жизненном смысле и опасности потребительства. В XXI веке у М. Кучерской, Е. Чижовой, Евг. Водолазкина ментатив также занимает большое место, появляясь в идейно важнейших фрагментах произведений.

Делается вывод, что роль ментатива в русской литературе XX века неизменно возрастала. Высказывается предположение о начале в XXI столетии этапа ментальной тематизации письма в эволюции русской словесности.

Ключевые слова: ментатив, стратегии ментатива, русская литература, литературная эволюция, XX век, XXI век, этап сближения художественного и нехудожественного слова, этап ментальной тематизации письма.

Библиографическое описание для цитирования:

Глембоцкая Я.О., Кузнецов И.В. Текст-ментатив в русской литературе XX–XXI веков // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2, ч. 2. – С. 382–394. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-382-394.

Текст с ментальной референцией, текст-мысль, или, как его называют в последние годы, текст-ментатив, обрел значительное распространение в русской прозе XX и XXI веков. Речь идет не только о количественном распространении, но и о смысловом превосходстве, которое с течением времени обозначается всё более явственно. Дело в том, что в силу особенностей своего развития в России художественная литература неизменно была пространством духовного самоопределения нации. От самого своего возникновения в XVIII веке «поэзия в русской культуре превратилась в особый *институт*, поддерживаемый вниманием общества и власти. Именно поэтому Евгений Евтушенко еще и в середине XX века мог заявить: “Поэт в России больше, чем поэт”» [5, с. 101]. Русская литература всегда была в значительной мере идеологична, а для формулирования идей текст-ментатив является наиболее прямым средством. Поэтому размышления о важнейших проблемах русского XX века о нравственности, о правде, о подмене всех жизненных смыслов потребительскими ценностями выражались в форме текста-ментатива.

Текст-ментатив имеет своим предметом мысль. В философии Нового времени субстанция имеет два актуальных атрибута: протяженность и мышление [19]. Если «в нарративе доминирует референция к протяженности хронотопа, то в ментативе – к мышлению как таковому и его речевой форме» [10, с. 110]. Поскольку мысль, в отличие от хронотопического события, статична, то она передается косвенным способом – через описание координат понимания. Точно так же, косвенным способом, передаются и сцепления мыслей, т. е. умозаключения, составляю-

щие референтную (предметную) область текста-ментатива. Сцепление мыслей создает коммуникативное (т. е. становящееся между автором и читателем) событие возникновения нового смысла – «ментальное событие», о котором в связи с прозой Андрея Битова писал Вольф Шмид [23, с. 14].

Распространение и актуализация текста-ментатива к нашему времени стимулировали научное осмысление этого феномена. В монографии Н.В. Максимовой [10] разновидности ментатива систематизированы: выделены восемь стратегий, т. е. типов взаимодействия говорящего или пишущего с чужим словом / мыслью. Это стратегии, названные исследователем «отрицание», «применение», «толкование», «переоформление», «развитие», «оценивание», «комментирование» и «перепределение». Эвристически они обладают разной степенью продуктивности: стратегия «оценивание» в этом отношении наименее эффективна, поскольку она исключает взаимодействие субъектных позиций. В противоположность ей стратегия «развитие», наиболее диалогическая, обладает максимальной продуктивностью. Выделенные Н.В. Максимовой стратегии равноправны логически, однако «с точки зрения диалогических отношений модель типологии коммуникативных стратегий чужой речи является децентрированной» [10, с. 297]. Поэтому освоение литературным языком наиболее продуктивных стратегий «развитие» и «применение» свидетельствует об утверждении диалогических приоритетов в общественном сознании и практике.

Ментальная событийность в русской художественной литературе начала по-настоящему утверждаться с середины XIX века. Это было связано с эволюционной закономерностью развития русской словесности – с началом этапа сближения художественного и внехудожественного слова [3, с. 279–296]. Он характеризовался внедрением в поэтику художественного текста элементов прежде внехудожественных отделов словесности: фольклора, философии, науки, публицистики. И если в середине XIX века художественная проза была преимущественно нарративна (и даже в лирике времен романтизма был очень распространен повествовательный жанр баллады), то к концу столетия роль ментатива стала неуклонно возрастать. Поворотной точкой в этом отношении явился толстовский роман «Война и мир» (1868), в котором писатель, хотя и не без колебаний, соединил нарративные и ментативные фрагменты как органические элементы художественного целого. В XX веке эссеизация художественной прозы сделалась магистральной линией ее развития, особенно в литературе первой эмиграции [7]. А к концу XX века стал ясно виден и встречный процесс, когда эссеистическая, стилистически разработанная манера письма сделалась свойством научной речи, в первую

очередь гуманитарной [11]. Бум прозы non-fiction на рубеже столетий ознаменовал состоявшееся сближение художественного и внехудожественного слова в русской литературе.

Эссеизация эмигрантской литературы в начале XX века отчасти уравновешивалась эпическим характером литературы метрополии, где стремление к Большому стилю после революции подразумевало опору на нарративность. Тем заметнее экспансия текста-мысли в больших повествовательных жанрах метрополии начиная с середины столетия. Показательным образцом в этом отношении стал роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Известно, что в концептуальном отношении текст «Войны и мира» ощущался Пастернаком как прецедентный. Сходство двух книг проявляется и в плане текстовой организации, потому что Пастернак охотно и много использовал текст-ментатив в составе романа [8]. Такое использование подразумевалось даже на уровне замысла, так что писатель сообщил соответствующее намерение своему герою. «Юра <...> еще с гимназических лет мечтал о прозе, о книге жизнеописаний, куда бы он в виде скрытых взрывчатых гнезд мог вставлять самое ошеломляющее из того, что он успел увидеть и передумать» [12, с. 76].

Использование текста-мысли позволило Борису Пастернаку ясно эксплицировать идейную конструкцию романа. Леонид Ржевский сразу по выходе романа выделил несколько тем, организующих его идейный строй. Это «утверждение суверенности личности по отношению к окружающей общественно-революционной стихии»; «взгляды, касающиеся истории, понимания ее существа и места в ней человека»; «мысли о душе и бессмертии»; «суждения об искусстве» [15, с. 153, 154]. Ржевский считал эти фрагменты монологическими; однако Сергей Ляляев показал ответный характер этих фрагментов, присутствие в них диалогического начала [8]. Таким образом, можно уверенно квалифицировать эти фрагменты как ментативные. Приведем для примера два из них.

«Главной бедой, корнем будущего зла была утрата веры в цену собственного мнения» [12, 392]. Лара произносит эту фразу в разговоре с Юрием о прошлом и настоящим, и она дает первый в русской литературе точный диагноз причины общественных потрясений: утрата нравственного чутья. Эта мысль впоследствии будет повторяться, как мы увидим, в важнейших текстах русской литературы. Отметим, что средством ее формулирования становится текст-ментатив.

Другой фрагмент, из записей Юрия Живаго:

«В такие минуты Юрий Андреевич чувствовал, что главную работу совершает не он сам, но то, что выше его, что находится над ним и управляет им, а именно: состояние мировой мысли и поэзии, и то, что ей предназначено в будущем, следующий по порядку шаг, который предстоит ей

сделать в ее историческом развитии. И он чувствовал себя только поводом и опорной точкой, чтобы она пришла в движение» [12, с. 423, 424]. Присутствие героя как субъекта мысли в этом фрагменте второстепенно, оно легко может быть устранено без ущерба для смысла. Сама же мысль об инструментальности художника в творческом акте является одним из важнейших открытий эстетики модерна, так что цитированный фрагмент входит в тезаурус современной философии искусства. Это текст-ментатив, полемически (т. е. диалогически) соотнесенный с распространенным авангардистским и романтическим представлением об авторе как носителе творческого произвола.

Через десятилетие после «Доктора Живаго» традицию интеллектуальной русской прозы продолжил Андрей Битов в романе «Пушкинский дом». В этой книге текст-ментатив имеет значительный удельный вес в общем составе текста произведения. Екатерина Сокрута, анализируя феномен метанарративности, характеризует его как свойство постмодернистского текста в том числе на примерах из «Пушкинского дома» [16]. Мы со своей стороны заметим, что метанарративные по содержанию фрагменты у Битова нередко представляют собой текст-ментатив. Например:

«Образ и должен быть образ; он может быть вызван, но не должен существовать, облепив действительность, на правах реальности. Хотя бы потому не должен, что реальность – есть и меняется каждую, даже крохотную, секунду, а однажды вызванный образ застыл если и не навек, то на бумаге, то есть на ее век. – И далее: – Живая жизнь куда менее реальна, чем жизнь литературного героя, куда менее закономерна, осмысленна и полна» [1, с. 373].

Это тексты-ментативы со свойственной только им формулировкой логических определений. Однако проблематика романа «Пушкинский дом» не исчерпывается метанарративностью. Более того, Битов прямо заявляет (тоже в форме ментатива, хотя и пограничной): «Если нас сейчас спросить, о чем же весь этот роман, то мы бы сейчас не растерялись и уверенно ответили бы: о дезориентации» [1, с. 109]. А перед этим он поясняет, что такое дезориентация: «Не требуется доказательств для правды, *факты* правды необязательны в отношениях. Однако изобличенная ложь – это уже не ложь, это драма, и только. А как раз неразоблаченная ложь, то есть видимая правда, и есть ложь, и она – трагедия. Там, где человек <...> вынужден не доверять собственным, свойственным ему, точным по природе ощущениям и чувствам, там он и разучается руководствоваться ими в своих поступках, то есть перестает их совершать – *свои* поступки. Это и приводит к отмиранию естественно нравственной человеческой основы, являя собой классический пример *дезориентации* человека как

биологической особи» [1, с. 109]. Этот чисто ментативный фрагмент, претендуя на смысловой приоритет в романе, продолжает проблематику «Доктора Живаго» распада нравственности как социально-антропологического дефекта современности.

Далее в русской литературе эта проблема, осознанная высоким современным и постмодерном, исследуется по большей части в литературе, развивающей реалистическую модель повествования (например, у Александра Солженицына в так называемой деревенской прозе). Когда Солженицын в концовке «Матренина двора», охарактеризовав героиню, дает ей определение: «Есть она тот праведник, без которого не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша» [17, с. 159], – то это текст-мысль в чистом виде. Или в Нобелевской лекции: «Насилие не живет одно и не способно жить одно: оно непременно сплетено с ложью» [18, с. 32], – это тоже текст-мысль. Потом у Распутина в «Прощании с Матерой»: «Самое напервое: чтоб совесть иметь и от совести не терпеть. Раньше совесть сильно различали. Ежели кто норовил без ее, сразу заметно» [14, с. 191]. Здесь пограничная конструкция на основе афористической мысли с элементом повествования развивает ту же нравственную проблематику.

И еще одна важнейшая современная проблема утвердилась в ментативных фрагментах русской прозы – это проблема глобального распространения модели потребительского общества. Ее предвосхитил еще Велимир Хлебников, в «Трубе марсиан» разделивший человечество на «изобретателей» и «приобретателей» [20]. Битов в «Пушкинском доме с предельной четкостью сформулировал: «Лавинообразное потребление и размножение на базе грабежа природы, паразитирование на природе и замена всех форм созидания всякого рода исполнительством <...> вот путь прогресса» [1, с. 75].

Распутин продолжил эту тему, характеризуя потребительское существование: «Непривычно, неудобно, чувствуешь себя квартирантом, да оно квартирант и есть, потому что дом не твой и хозяином-барином себя в нем не поведешь, зато и являешься на готовенькое <...>. Что и говорить – жизнь настала облегченная <...>. Только при этой облегченности и себя чувствуешь как-то не во весь свой вес, без твердости и надежности <...>. Ты это или не ты? А если ты, как ты здесь оказался?» [14, с. 228, 229].

Это проблема несубстанциальности, нежизненности потребительского существования, тоже намеченная ранее у Битова: «Жизненность воплощается в наше время в самых отвратительных и прежде всего подлых формах. Никто не виноват, потому что все виноваты, а когда виноваты все, прежде всего виноват ты сам. <...> Убегание, измена, предательство – три последовательные ступени, три формы (нельзя сказать жизни,

но сохранения ее). <...> Такой ход приняло жизнеизъявление [1, с. 241]. Это тоже текст-ментатив, осуществляющий так называемую стратегию «толкования» [10].

Проблематика потребительской цивилизации как перманентного фантома, симулякра, нравственно опустошающего человечество, в конце столетия развивалась крупнейшими писателями. Так, у Владимира Маканина в повести «Гражданин убегающий» (1980): «Люди просто-напросто убегают от предыдущих своих же разрушений. Люди не хотят, не желают видеть, что они здесь наворочали, и спешат туда, где можно (будто бы!) начать сначала. В этом вся их мудрость: если, мол, мы уйдем и забудем прошлое, глядишь, и прошлое отойдет в сторонку и забудет нас. Ан нет. Не получается» [9, с. 282, 283]. Это текст-ментатив, выполненный в стратегии «отрицания», когда инициальному тезису противопоставляется ответный («ан нет») [10].

У Виктора Пелевина в романе «Generation “П”» (1999) в основном ментативный характер имеет ключевой для концепции романа трактат Че Гевары. Вот один из составляющих его афоризмов-суждений: «Положение современного человека не просто плачевно – оно, можно сказать, отсутствует, потому что человека почти нет» [13, с. 107]. Через ряд таких афористических суждений писатель подводит к совершенно наукообразному и ментативному резюме: «Идентичализм – это дуализм на той стадии развития, когда крупнейшие корпорации заканчивают передел человеческого сознания, которое, находясь под непрерывным действием орального, анального и вытесняющего вау-импульсов, начинает самостоятельно генерировать три вау-фактора, вследствие чего происходит устойчивое и постоянное вытеснение личности и появление на ее месте так называемой identity» [13, с. 119].

У Александра Чудакова в романе «Ложится мгла на старые ступени» (1999) суждение о нравственном распаде, резонирующее с пастернаковским и битовским, выполнено в форме текста-ментатива в стратегии «развитие». «Законов рождения и жизни вещей и растений не в состоянии изменить никакая революция. Но она может переделать нематериальный человеческий мир, и она это сделала. Рухнула система предустановленной иерархии ценностей страна многовековой истории стала жить по нормам, недавно изобретённым; законом стало то, что раньше называли беззаконием. Но старый мир сохранился в его душе, и новый не затронул ее. Старый мир ощущался им как более реальный... Ирреальным был для него мир новый – он не мог постичь ни разумом, ни чувством, каким образом всё это могло родиться и столь быстро укрепиться, и не сомневался: царство фантомов исчезнет в одночасье, как и возникло, только час этот наступит нескоро» [22, с. 498].

У Майи Кучерской тема нравственности сгущается в тему *уклада*, о котором писатель подчеркнуто говорит в романе «Гетя Мотя» (2012). «Люди, жившие тогда, были подлинными... А обеспечивалась эта подлинность совсем просто – все, от крестьянки до аристократа, жили в окультуренном пространстве, традиционная жизнь, традиция их обымала, сложившийся уклад наполнял глубиной. Оттого-то даже самая ничтожная, самая серая и обыкновенная жизнь оказывалась полна смысла. <...> Без уклада нет жизни, нет настоящих людей. Но если уклад всё-таки утрачен – путь один: его нужно создавать. И начинать в нем жить с чистой страницы, которая, однако, уже вставлена в рамку» [6, с. 307, 496]. И это текст-ментатив в стратегии «толкование» [10].

Наконец, чуть ранее Елена Чицова в романе «Время женщин» (2009) дает интересный образец использования для создания текста-ментатива эмблематического повествования. Это цитата из средневековой «Голубиной книги»: «Правда-то у вас лютее лютого. Победила Кривду, переспорила. И отправилась напрямик в небеса, к самому Христу, Царю небесному. <...> А Кривда по земле пошла – по всему народу христианскому. <...> Вот и стал народ от Кривды неправильный – неправильный да злопамятный. А Правда лютая в небесах сидит. На грешную землю не спустится...» [21, с. 285]. Здесь персонажи мнимого повествования – чистые знаки (Правда, Кривда), указывающие на умозрительные сущности. Их движение мнимое, на деле оно лишь указывает на ценностно окрашенное взаимное пространственное расположение (верх–низ). Текст создает статический образ мира, функционируя в точности как икона, что свидетельствует о ментальной природе его референции.

И еще об одном литературном факте необходимо упомянуть в рассматриваемом ряду. Это роман Евгения Водолазкина «Лавр» (2012). Ментативные фрагменты в нем настолько часты и значимы для смысла целого, что мы удержимся от иллюстрирования этого утверждения примерами. Отметим другое: движение литературной эволюции, приведшее к преобладанию ментатива, в этом романе соединилось с поиском религиозной истины, неизменно свойственным русской литературе со времени средневековья [4]. «Лавр» по своей субъектной организации поднимает нарратологическую проблему: как рассматривать текст, в котором демонстративно нечетко различаются субъекты речи? Во всяком случае, этот роман заставляет прислушаться к тезису современного наблюдателя о том, что «эпоха литературоцентризма кончилась» [2, с. 63].

Подведем итог. Как видно из сделанного обзора, роль ментальной референции, текста-мысли и особенно ментатива в русской литературе XX века неизменно возрастала. Ментатив становился средством формулирования идей, создающих проблематику литературной тради-

ции на этапах модерна и особенно постмодерна. С точки зрения литературной эволюции преобладание ментатива позволяет предполагать в XXI столетии начало нового этапа в развитии русской литературы – этапа ментальной тематизации письма, в отличие от хронотопической его тематизации на аналогичном этапе в средневековом цикле развития (XIV–XV века).

Литература

1. *Битов А.Г.* Пушкинский дом. – СПб.: Азбука-классика, 2000. – 500 с.
2. *Бойко С.* Для бессмертных: инструкции. Православная книга сегодня // Вопросы литературы. – 2014. – № 5. – С. 61–89.
3. *Кузнецов И.В.* Историческая риторика: стратегии русской словесности. – М.: РГГУ, 2007. – 320 с.
4. *Кузнецов И.В.* О старинной картине мира и новой текстуальности // Критика и семиотика. – 2018. – Вып. 2. – С. 395–414.
5. *Кузнецов И.В.* Русская литература эпохи постмодерна. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. – 240 с.
6. *Кучерская М.А.* Тетя Мотя: роман. – М.: АСТ, 2013. – 506 с.
7. *Леденёв А.В.* Литература первой волны эмиграции: основные тенденции литературного процесса // Русское зарубежье: история и современность. – М., 2013. – Вып. 2. – С. 116–136.
8. *Дяляев С.В.* Роль ментативных компонентов в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Новый филологический вестник. – 2010. – № 1. – С. 111–120.
9. *Маканин В.С.* Удавшийся рассказ о любви. – М.: Вагриус, 2001. – 493 с.
10. *Макимова Н.В.* «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. – М.: Изд-во РГГУ, 2005. – 317 с.
11. *Орлицкий Ю.Б.* Стих и проза в русской литературе. – М.: Изд-во РГГУ, 2002. – 685 с.
12. *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго: роман. – М.: Советский писатель, 1989. – 736 с.
13. *Пелевин В.О.* Generation «П». – М.: Вагриус, 1999. – 304 с.
14. *Распутин В.Г.* Прощание с Матерой // Распутин В.Г. Повести. – Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1988. – С. 167–338.
15. *Ржевский А.* О тайнописи в романе «Доктор Живаго» // Грани. – 1960. – № 48. – С. 150–164.
16. *Сокрута Е.Ю.* Историческая динамика метанарративности // Narratorium. – 2015. – № 1 (8). – URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634329> (дата обращения: 22.05.2021).
17. *Солженицын А.И.* Матренин двор // Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Терра, 1999. – Т. 1: Рассказы, 1958–1999. – С. 123–159.
18. *Солженицын А.И.* Нобелевская лекция // Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Терра, 1999. – Т. 7: В Советском Союзе, 1967–1974. – М.: Терра – Книжный клуб, 2001. – С. 17–33.

19. Спиноза Б. Этика, изложенная в геометрическом порядке. – М.: И.Н. Кушнерев и К^о, 1911. – 384 с.
20. Хлебников В. Труба марсиан // Хлебников В. Творения. – М.: Советский писатель, 1986. – С. 602–603.
21. Чижова Е.С. Время женщин: роман. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 284 с.
22. Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени: роман-идиллия. – М.: Время, 2013. – 640 с.
23. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

Статья поступила в редакцию 27.09.2020.

Статья прошла рецензирование 21.11.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-382-394

TEXT-MENTATIVE IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XX–XXI CENTURIES

Glembotskaya Yana,

*Cand. of Sc. (Philology), Associate Professor,
Vice-Rector for Academic Affairs,
Novosibirsk State Theater Institute,
6 Revolution Street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8190-2038
glembo2212@yandex.ru*

Kuznetsov Ilya,

*Dr. of Sc. (Philology), Associate Professor,
Professor of the Theater, Literature and Music History Department
Novosibirsk State Theater Institute,
6 Revolution Street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9629-4012
eliah2001@mail.ru*

Abstract

The subject of the article is the text-mentative and its functioning in the Russian literature of the XX–XXI centuries. The concept of ‘mentative’ (which appeared in linguistics since the beginning of the XXI century by analogy with ‘narrative’) means a text with a mental reference, dialogically responding to the word and thought of the other. In linguistics, there is a typology of communicative strategies of the mentative in relation to the speech of the other. There are 8 strategies, they are equal logically, but unequal in dialogical and, consequently, heuristic relations.

In Russian fiction, the text-mentative was established in the middle of the XIX century. That was due to the beginning of the stage of convergence of the artistic and non-artistic word in Russian literary evolution. The novel “War and Peace” by L. Tolstoy, containing multiple mentative fragments and entire chapters, became a clear sign of the mentative appearance in fiction. The stage of convergence of the artistic and non-artistic word continued until the end of the XX century, and all this time the specific weight and importance of the mentative in Russian fiction were steadily increasing.

The article shows functioning of the mentative in the ideologically and artistically most important works of Russian literature of the mid – late XX century. These are novels by B. Pasternak “Doctor Zhivago”, A. Bitov “Pushkin’s House”, V. Pelevin “Generation ‘P’”, A. Chudakov “The Mist Falls on the Old Steps”, texts by A. Solzhenitsyn, V. Rasputin, V. Makanin. In all these works, the mentative allows us to formulate the key thoughts for the self-consciousness of the XX century Russian literature: morality, truth, the meaning of life and the danger of consumerism. In the XXI century, in the works by M. Kucherskaya, E. Chizhova, E. Vodolazkin, the mentative also occupies a large place, appearing in ideologically important fragments of works.

As a result of the above, it is concluded that the role of the mentative in Russian literature of the XX century was steadily increasing. The authors of the article suppose that we witness starting of the stage of mental thematization of writing in the Russian literary evolution in the XXI century.

Keywords: mentative, strategies of mentative, Russian literature, literary evolution, XX century, XXI century, the stage of convergence of artistic and non-artistic word, the stage of mental thematization of writing.

Bibliographic description for citation:

Glembotskaya Y., Kuznetsov I. Text-Mentative in Russian Literature of the XX–XXI Centuries. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 2, pt. 2, pp. 382–394. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-382-394.

References

1. Bitov A.G. *Pushkinskii dom* [The Pushkin House]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2000. 500 p.
2. Boiko S. Dlya bessmertnykh: instruksii. Pravoslavnyaya kniga segodnya [For the immortals: instructions. Orthodox Book Today]. *Voprosy literatury = Russian Studies in Literature*, 2014, no. 5, pp. 61–89. (In Russian).
3. Kuznetsov I.V. *Istoricheskaya ritorika: strategii russkoi slovesnosti* [Historical Rhetoric: Strategies of Russian Literature]. Moscow, RSUH Publ., 2007. 320 p.
4. Kuznetsov I.V. O starinnoi kartine mira i novoi tekstual'nosti [About the ancient world picture and the new textuality]. *Kritika i semiotika = Critics and Semiotics*, 2018, iss. 2, pp. 395–414.
5. Kuznetsov I.V. *Russkaya literatura epokhi postmoderna* [Russian Literature of the Postmodern Era]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2015. 240 p.
6. Kucherskaya M.A. *Tetya Motya* [Aunt Motya]. Moscow, AST Publ., 2013. 506 p.
7. Ledenev A.V. Literatura pervoi volny emigratsii: osnovnye tendentsii literaturnogo protsessa [Literature of the first wave of emigration: the main trends of the literary process]. *Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost'* [Russian Diaspora: History and Modernity]. Moscow, 2013, iss. 2, pp. 116–136.
8. Lyalyaev S.V. Rol' mentativnykh komponentov v romane B.L. Pasternaka "Doktor Zhivago" [The role of mentative components in the novel "Doctor Zhivago" by B.L. Pasternak]. *Novyi filologicheskii vestnik = New Philological Bulletin*, 2010, no. 1, pp. 111–120.
9. Makanin V.S. *Udarshiysya rasskaz o lyubvi* [A successful love story]. Moscow, Vagrius Publ., 2001. 493 p.
10. Maksimova N.V. "Chuzhaya rech'" kak kommunikativnaya strategiya ["Alien speech" as a communication strategy]. Moscow, RSUH Publ., 2005. 317 p.
11. Orbitskii Yu.B. *Stikh i proza v russkoi literature* [Verse and prose in Russian literature]. Moscow, RSUH Publ., 2002. 685 p.
12. Pasternak B.L. *Doktor Zhivago* [Doctor Zhivago]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 736 p.

13. Pelevin V.O. *Generation "P"* [Generation "II"]. Moscow, Vagrius Publ., 1999. 304 p.
14. Rasputin V.G. Proshchanie s Materoi [Farewell to Matyora]. Rasputin V.G. *Povesti* [Novellas]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1988, pp. 167–338.
15. Rzhnevskii L. O tainopisi v romane "Doktor Zhivago" [About the secret writing in the novel "Doctor Zhivago"]. *Grani = Facets*, 1960, no. 48, pp. 150–164.
16. Sokruta E.Yu. Istoricheskaya dinamika metanarrativnosti [Historical Dynamic of Metanarration]. *Narratorium*, 2015, no. 1 (8). (In Russian). Available at: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?pid=2634329> (accessed 27.03.2021).
17. Solzhenitsyn A.I. Matrenin dvor [Matrena's Yard]. Solzhenitsyn A.I. *Sobranie sochinenii*. V 9 t. T. 1 [Complete works. In 9 vol. Vol. 1]. Moscow, Terra Publ., 1999, pp. 123–159.
18. Solzhenitsyn A.I. Nobelevskaya leksiya [The Nobel lecture]. Solzhenitsyn A.I. *Sobranie sochinenii*. V 9 t. T. 7 [Complete works. In 9 vol. Vol. 7]. Moscow, Terra Publ., 2001, vol. 7, pp. 17–33.
19. Spinoza B. *Etika, izlozhenaya v geometricheskom poriyadke* [Ethics laid out in geometric order]. Moscow, I.N. Kushnerev & Ko Publ., 1911. 384 p.
20. Khlebnikov V. Truba marsian [The Martian Trumpet]. Khlebnikov V. *Tvoreniya* [Creations]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986, pp. 602–603.
21. Chizhova E.S. *Vremya zhenshchin* [Women's Time]. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2012. 284 p.
22. Chudakov A.P. *Lozhitsya mгла na starye stupeni* [The mist falls on the old steps]. Moscow, Vremya Publ., 2013. 640 p.
23. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 312 p.

The article was received on 27.09.2020.

The article was reviewed on 21.11.2020.